

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

ГЛОБАЛЬНЫЙ «ПРАВЫЙ БУНТ»: ТРАМПИЗМ И ЕГО БАЗА

Олег Барабанов, Дмитрий Ефременко, Борис Кагарлицкий,
Василий Колташов, Кирилл Телин

МОСКВА, СЕНТЯБРЬ 2017

Авторы

Олег Николаевич БАРАБАНОВ

руководитель авторского коллектива,
доктор политических наук, профессор РАН, программный директор Международного
дискуссионного клуба «Валдай», профессор Московского государственного института
международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской
Федерации (МГИМО МИД России)

Дмитрий Валерьевич ЕФРЕМЕНКО

доктор политических наук, заместитель директора по научной работе Института научной
информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН

Борис Юльевич КАГАРЛИЦКИЙ

кандидат политических наук, директор Института глобализации и социальных движений (ИГСО)

Василий Георгиевич КОЛТАШОВ

руководитель Центра экономических исследований Института глобализации и социальных
движений (ИГСО)

Кирилл Олегович ТЕЛИН

кандидат политических наук, научный сотрудник факультета политологии
МГУ им. М.В. Ломоносова.

Авторы доклада благодарят за помощь при обсуждении основных идей данного доклада
участников ситуационного анализа по проблеме трампизма и «правого бунта», организованного
Международным дискуссионным клубом «Валдай» 16 марта 2017 года, с участием следующих
экспертов:

Владимира Сергеевича Васильева,

доктора экономических наук, главного научного сотрудника Института США и Канады РАН;

Даниила Игоревича Григорьева,

эксперта ИГСО;

Кирилла Евгеньевича Коктыша,

кандидата политических наук, доцента кафедры политической теории МГИМО МИД России;

Бориса Вадимовича Межуева,

кандидата философских наук, главного редактора сайта «Politanalitika.ru»;

Марию Олеговну Шибкову,

преподавателя МГИМО МИД России.

*Данный текст отражает личное мнение авторов,
которое может не совпадать с позицией Клуба, если явно не указано иное.*

Содержание

От «глобализации элит» к «глобализации для всех»: феномен «правого бунта»	3
«Их триумфы не были вашими триумфами»: трампизм и «реднекские ценности»	5
Социально-идеологическая природа трампизма	8
Социальная база трампизма	9
Who is Mr. Trump: социально-политические аналогии	14
Экономика трампизма	17
Реакция противников Трампа: «эсхатология» трампизма	22
Трампизм и Европа: повторение американского опыта?	23
Трампизм и Россия	26

От «глобализации элит» к «глобализации для всех»: феномен «правого бунта»

Начиная с 2015 г., одной из приоритетных экспертных тем Международного дискуссионного клуба «Валдай» стало изучение глобальных альтернатив традиционному неолиберальному мейнстриму и их влияние на трансформацию мира. Изначально наше основное внимание было сфокусировано на различных западных проектах (китайском, турецком, арабских, латиноамериканских, контекст БРИКС и др.). Что же касается внутриамериканских альтернатив, то здесь основной акцент сперва был сделан на левых движениях в Европе, как в силу исторической традиции последней пары десятилетий (антиглобалисты, «Окупируй Уолл-стрит» и пр.), так и в силу происходящих тогда политических процессов в этом регионе мира (напомним приход к власти партии «СИРИЗА» в Греции, появление и резкий рост популярности лево-прогрессистских гражданских движений в других странах Южной Европы, избрание Джереми Корбина лидером лейбористской партии в Великобритании и др.).

Но события 2016–2017 гг. резко изменили расклад политических сил на Западе и в мире. Успех референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза, сенсационная победа Дональда Трампа на выборах президента США, атмосфера «последнего боя» у «края пропасти» на президентских выборах во Франции, резкое усиление право-национального курса властей в Польше, Венгрии и ряде других стран Центральной Европы – всё это поставило именно «правый поворот» от сложившегося мейнстрима (и реакцию на него) в фокус глобального внимания. Серьёзные вызовы внутренней безопасности западных стран (мигранты, теракты, расовые

протесты в США (Фергюсон) и пр.) также усиливали социальную базу «правого поворота» и привносили в него все более зримую насильственную составляющую.

В этом контексте Международный дискуссионный клуб «Валдай» на рубеже 2016–2017 гг. выдвинул новую концепцию «глобального бунта» и охарактеризовал эти тенденции как «революционную ситуацию в мире». Всем этим проблемам был посвящён доклад Клуба, подготовленный по итогам ежегодного заседания 2016 г.¹ Эта же тема была в фокусе дискуссии на Ежегодном заседании клуба «Валдай» 27 октября 2016 г. – её обсуждали президент России Владимир Путин, бывшие президенты Финляндии, Австрии и ЮАР.

Ключевой интерес в этой концепции глобального бунта представляет анализ неравномерностей в развитии процесса глобализации. Важно отметить то, что раньше, традиционно, под этим термином понимался разрыв между развитыми странами «золотого миллиарда» и всем остальным миром, когда, условно говоря, богатые страны становились ещё богаче, а бедные страны – ещё беднее. Соответственно этому, и вопрос о преодолении неравномерностей глобализации понимался прежде всего в логике ускорения развития «остального мира». В этом контексте в своё время возникла и концепция «трёх серебряных миллиардов», ставшая идеологической основой для политической деятельности БРИКС. Её суть состоит в том,

¹ Лукьянов Ф.А. (руководитель авторского коллектива), Барабанов О.Н., Бордачев Т.В., Сулов Д.В., Сушенцов А.А., Тимофеев И.Н. Глобальный бунт и глобальный порядок: революционная ситуация в мире и что с ней делать. М.: Международный дискуссионный клуб «Валдай». Февраль, 2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/14649/>

что своего рода срединный слой современного мира – не самые богатые, но и не самые бедные, с точки зрения справедливости, имеет больше прав на общеглобальное представительство интересов всего человечества в целом, чем верхушка стран «золотого миллиарда» и контролируемые ей мировые финансово-экономические институты. В наиболее радикальных концепциях преодоления этой межстрановой неравномерности в глобализации ставился вопрос и о «справедливом перераспределении» мирового богатства и капитала в пользу бедных стран. Этот подход был характерен для многих идеологических манифестов антиглобалистского движения.

Сейчас же, как показали события 2016 г., этот вопрос уже можно ставить иначе. Главное противоречие в развитии глобализации переносится с межстранового и междивизиационного аспекта на внутристрановые противоречия в рамках самого Запада. Это проявляется в растущем отчуждении и противоречиях между элитами и гражданским обществом самих западных стран. Именно это противоречие и является концептуальным вызовом для статус-кво текущей мировой экономики и глобальной политики.

В своей речи на итоговой пленарной сессии XIII Ежегодного заседания клуба «Валдай» Владимир Путин отметил: «По сути, в кризисе оказался сам проект глобализации [...], существует, совершенно точно, дефицит стратегии и идеологии будущего. Это создаёт атмосферу неуверенности, которая прямо влияет на общественные настроения. Социологические исследования, проводимые по всей планете, показывают, что жителям разных стран и континентов будущее, к огромному нашему сожалению, чаще всего кажется смутным и мрачным. Будущее не зовёт, оно пугает.

При этом люди не видят реальных возможностей и механизмов что-либо изменить, как-то повлиять на ход событий, на выбор политики»².

На неуверенность общества в будущем обратила своё внимание в вышеупомянутой сессии и бывший президент Финляндии Тарья Халонен: «И действительно, очень много вызовов и проблем стоит перед нами. Что же я наблюдала во время участия в различных форумах за последние годы, особенно после своего президентства? Люди всегда говорят, что этот мир – это мир полной неопределённости. Это действительно так. Люди чувствуют каждый день, что они очень сомневаются в будущем, и иногда это очень парадоксально, поскольку мы настолько продвинулись вперёд»³.

В итоге формулируется вывод о противоречии между «глобализацией элит», «глобализацией для избранных», с одной стороны, и «глобализацией для всех» – с другой. И всё увеличивающаяся интенсивность этого противоречия, очевидно, ставит на практическую повестку дня вопрос о возможной серьёзной внутренней трансформации Запада в будущем. Именно эта попытка трансформации, противодействие ей со стороны нынешнего истеблишмента и борьба за её продолжение и будут, скорее всего, составлять основную интригу политики не только в ближайшее время, но и в будущем.

² Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2016. 27 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53151>

³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Официальный сайт Президента Российской Федерации. 2016. 27 октября. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/53151>

«Их триумфы не были вашими триумфами»: трампизм и «реднекские ценности»

«Сегодняшняя церемония имеет особое значение. Потому что сегодня мы не просто передаём власть от одной администрации к другой – мы забираем власть у Вашингтона, округ Колумбия, и возвращаем её обратно вам, американскому народу. Слишком долго небольшая группа людей в столице нашей страны получала плоды правления, за которые платили обычные люди. Вашингтон процветал – но народу не перепали плоды этого процветания. Политики обогащались – но рабочие места сокращались, и заводы закрывались. Истеблишмент защищал себя, но не граждан страны. Их победы не были вашими победами, их триумфы не были вашими триумфами; пока они праздновали в нашей столице, у бедствующих семей по всей стране было мало причин для праздника. Всё это меняется – прямо здесь и прямо сейчас, потому что это ваше время, оно принадлежит вам»⁴.

Эта пространная цитата, казалось бы, должна принадлежать какому-нибудь яркому революционеру. Её вполне мог бы произнести, скажем, Фидель Кастро, если бы коммунистическая Куба каким-то образом захватила Вашингтон. Или Лев Троцкий, который, находясь в США ровно сто лет тому назад, в начале 1917 г., устроил бы там марксистскую революцию. Или если бы, вдруг, по невероятному стечению обстоятельств, кандидат от Коммунистической партии США победил бы на президентских выборах. Но нет. В этой фразе нет никакой исторической фантастики. Она абсолютно реальна. Это цитата из инаугурационной речи нового президента США Дональда Трампа 20 января 2017 г.

Естественно, что ничего подобного Америке в торжественных речах своих президен-

тов ещё не слышала. Это вызвало шок и критику. Одной из наиболее распространённых (и, пожалуй, наиболее мягких) характеристик этой речи стало её определение как «популистской». Об этом свидетельствует и подборка мнений ведущих экспертов клуба «Валдай», опубликованная по свежим следам⁵.

При этом вполне очевидно, что инаугурационная речь Трампа целиком соответствовала логике его предвыборной кампании, апогеем которой с идеологической точки зрения стала Геттисбергская речь 22 октября⁶. Победа Трампа в контексте призывов к слову истеблишмента и прямого обращения к нуждам широких масс населения вызвала к жизни термин «redneck revolution» – **«реднекская революция»** – «революция красношейих».

Все эти в целом уничижительные клише американского сленга («реднеки», «ржавый пояс» и т.п.) коррелируют с советскими штампами «простой народ» и «трудящиеся массы». Но как ни называй его, именно этот низший трудовой социальный слой был осознанно выбран Трампом в качестве целевой аудитории в его предвыборной стратегии. Популизм ли это? Конечно, да. Но с другой стороны, это тот популизм, который является естественным и, пожалуй, давно ожидаемым ответом на растущее отчуждение истеблишмента от широких слоёв общества, которое в условиях жёсткой двухпартийной системы США не получало электоральной политической реакции, в отличие, скажем, от многих стран Европы с их более нюансированной многопартийностью

⁵ Sherr J., Treisman D., Wohlforth W., Remington T., Weitz R. 'Mobilizing', 'Populist', 'Rebellious': Valdai Experts Assess Trump's Inauguration Speech // Valdai Discussion Club. 2017. January 21. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/mobilizing-populist-rebellious-valdai-experts/>

⁶ Donald Trump Foreign Policy Speech in Gettysburg, PA. First 100 Day Plan. 2016. October 22. URL: https://www.youtube.com/watch?v=_R4L-Os2LSI

⁴ The Inaugural Address. Remarks of President Donald J. Trump – As Prepared for Delivery // The White House. 2017. January 20. URL: <https://www.whitehouse.gov/inaugural-address>

и гораздо большей лёгкостью создания новых партий и их выведения на выборы.

Столь резкий отказ от привычной мейнстримной риторики и её осознанный слом в ходе предвыборной кампании Трампа (а также сам факт его сенсационной победы) привели, помимо прочего, и к тому, что не-системная право-национальная идеология, которая, понятно, существовала и раньше во многих странах, стала ассоциироваться с именем Дональда Трампа. Так возник ещё один новый термин – трампизм.

При этом надо сразу отметить, что **трампизм как идеология и система ценностей** гораздо шире политической фигуры Трампа и не привязан напрямую к его текущим политическим действиям. При этом вопрос о том, удастся ли лично Дональду Трампу сдерживать натиск старого вашингтонского истеблишмента и не свернуть с пути своей предвыборной платформы, является для данной темы вторичным и не столь важным. Гораздо более значимо то, что глобальная политическая волна, вызванная электоральным успехом Трампа, сформировала принципиально новую идеологию и даже новую систему ценностей, которую можно условно назвать трампистской (повторим ещё раз, этот термин используется без строгой привязки к будущей эволюции самого Дональда Трампа). Марин Ле Пен именно по этой логике неоднократно называли «французским Трампом», Виктор Орбана – «венгерским Трампом», Ярослава Качиньского – «польским Трампом» и т.д. Если использовать не слишком корректное сравнение с советской историей, то далеко не все, кого называли «троцкистами», были действительно связаны со Львом Троцким. Так и сейчас, через несколько месяцев после начала президентских полномочий Трампа, уже очевидно, что «трамписты» в других странах и сам Дональд Трамп – это разные вещи. Тем не менее, трампизм как термин-ярлык, обозначаю-

щий право-национальную идеологию, вполне прижился и может использоваться в этом широком смысле.

Далее, ключевой составной частью таким образом понимаемого трампизма стал комплекс новых ценностных ориентиров, который по аналогии с вышесказанным, как представляется, будет уместно назвать «redneck values» – **«реднекскими ценностями»**. И важно определить, что кроме протеста против элиты составляет их «позитивную» основу.

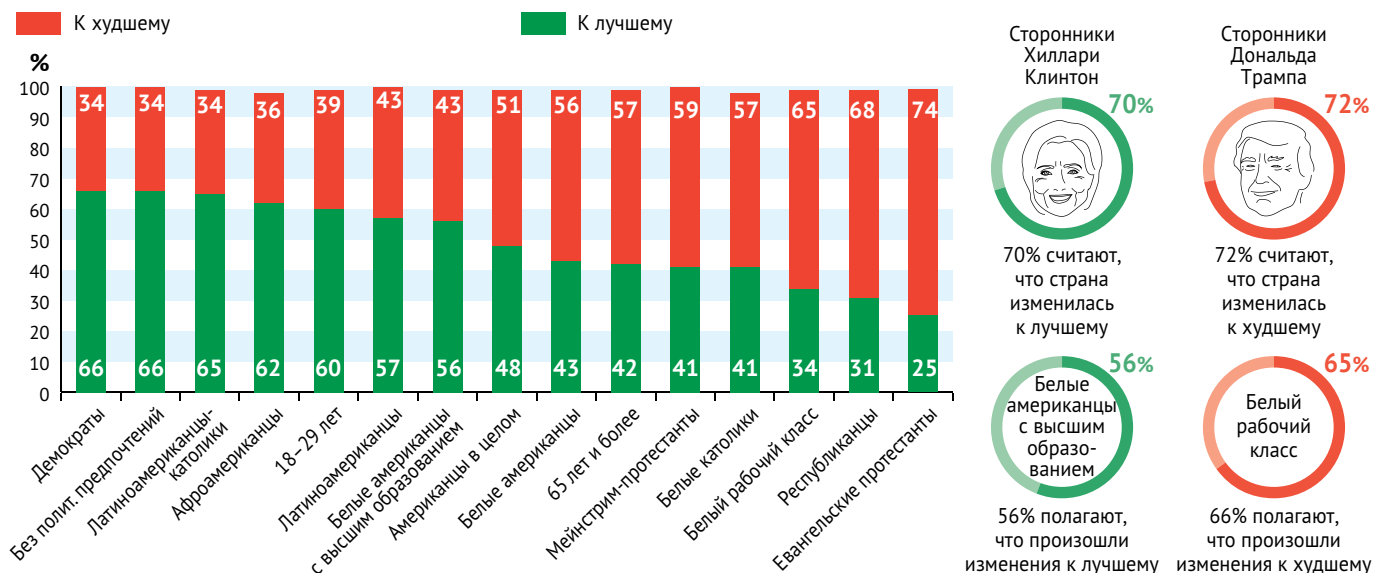
Исходя из самого термина «redneck», понятно, что значительная часть из них носит социально-экономический характер. Это прежде всего **ценность производящей экономики** (productive economy) как основы для устойчивого благосостояния общества. С точки зрения трампизма, эта основа вытеснена сервисным и финансовым секторами, что вызывает растущее недовольство у всё более широких слоёв населения. Вторая социально-экономическая ценность трампизма, связанная с первой, – это **ценность реиндустриализации** и, шире, ценность модернизации хозяйственного и социального развития. Третья ценность (и именно она по понятным причинам чаще всего на виду) – это **ценность поддержки собственных трудовых ресурсов** (и вытекающая отсюда миграционная политика). Отсюда же следует и четвертая ценность – **ценность защиты внутреннего рынка**, здоровый протекционизм. Не случайно, именно он составил основу не только предвыборной экономической программы Трампа (достаточно вспомнить его высказывания про Мексику и Китай), но и превратился в одну из важнейших эмоционально-идеологических доминант его призыва к американскому обществу в Геттисбергской речи.

Этот комплекс социально-экономических ценностей трампизма влечёт за собой и не менее важные политические ценности.

ОТНОШЕНИЕ К БУДУЩЕМУ США ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

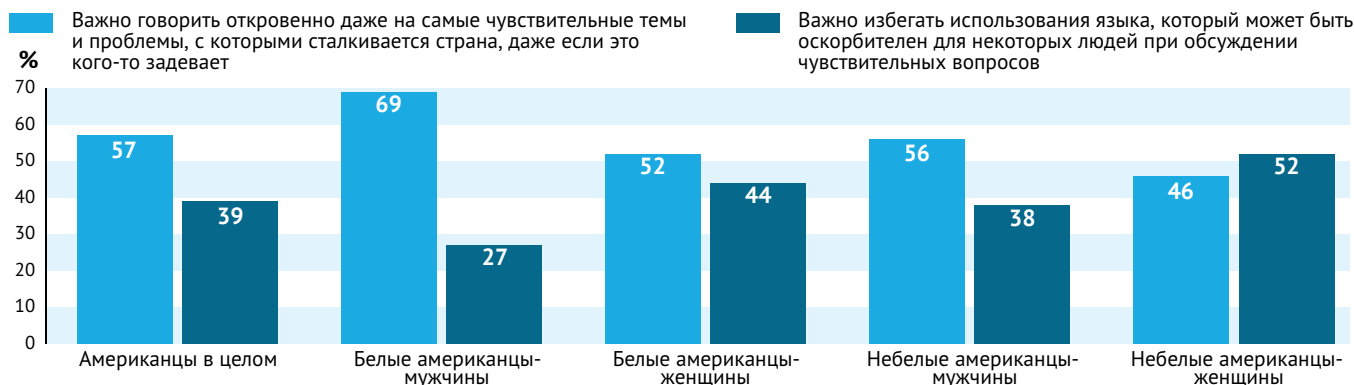
Ностальгия по 1950-м

Считаете ли вы, что американская культура и образ жизни во многом изменились к лучшему начиная с 1950-х, или же к худшему?

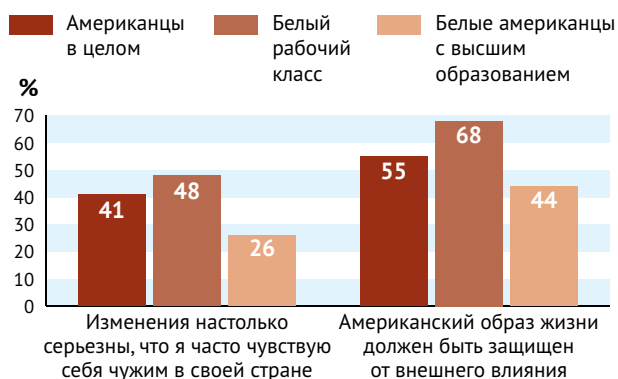

Белые американцы-мужчины наиболее несклонны к политически корректному языку

Какое из следующих утверждений вы разделяете в большей степени?

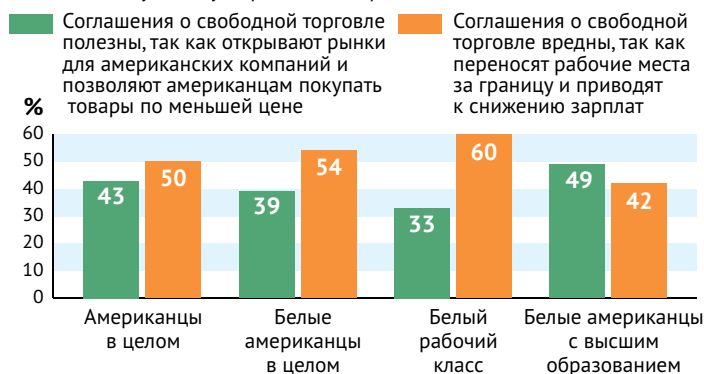

Белый рабочий класс более склонен к культурному протекционизму

Разделение внутри класса белых американцев по вопросу свободной торговли

Какое из следующих утверждений вы разделяете в большей степени?

Источник: Public Religion Research Institute (PRRI).

Главной из них (и пятой по счету) является **ценность защиты суверенитета**. «Вернуть Америке величие» («Make America Great Again») – ключевой лозунг предвыборной кампании Трампа раскрывает эту ценность вполне чётко. Ещё одна (шестая по счету) политическая ценность трампизма – это **ценность защиты национальной идентичности и историко-культурной самобытности общества**. Она также, что называется, на злобу дня, причём отнюдь не только в США, но и в других странах. Наконец, седьмая ценность трампизма, очень ярко проявившаяся в ходе предвыборной кампании в США, да и после неё, – это **ценность отказа от политкорректности**, стремление говорить прямо о болевых точках общества и, как следст-

вие, отторжение мейнстримных медийных стереотипов и повестки дня.

Таков комплекс основных ценностных постулатов, отождествляемых сейчас с трампизмом. Ещё раз повторим, что в фиксации ни одной из этих ценностей лично Дональд Трамп не изобрёл ничего нового – все это и раньше озвучивалось в рамках неси-стемной правой идеологии в разных странах. Но «магия» победы Трампа резко подняла этот ранее маргинализированный в политическом плане комплекс идей на уровень реальной повестки дня и реального примера электорального успеха, который не может не привести к соблазну повторить эту трампистскую стратегию «правого бунта» другими силами и в других странах.

Социально-идеологическая природа трампизма

Трампизм – это, безусловно, новое явление, которое, однако, имеет достаточно глубокие корни в американской политической истории. Как справедливо отмечает Уолтер Рассел Мид, Трамп и трампизм вполне соответствуют парадигме джексонизма, то есть американского националистического популизма. Джексонизм предполагает взгляд на Америку и её роль в мире, существенно отличающийся от взглядов отцов-основателей, для которых на первом месте было создание нации на основе совокупности политических принципов. В основе джексонизма – видение Америки как земли отвоёванной, политой и освящённой потом и кровью. И категория суверенитета является для джексонизма одной из важнейших, причём в случае Эндрю Джексона защита или распространение американского

суверенитета касались не только территорий, но и восстановления суверенного контроля федерального правительства над финансовой системой. В этом смысле джексоновское «I killed the Bank» (досл. «Я убил банк», то есть «вернул контроль над банковской системой») вполне равноценно трамповским выпадам против вненациональных финансовых структур, «лишающих» американцев контроля над их собственной экономикой.

Джексонизм в Америке переживало подъёмы и спады, но никогда не умирало. Очевидно, что и в эволюции американского консерватизма на протяжении двух последних десятилетий джексоновская позиция постепенно усиливалась, пока, наконец, не привела к временному сплочению сил, решительно настроенных на то, чтобы опрокинуть порядок вещей, символами которого

стали Клинтон и Обама. Разумеется, американский консерватизм – это очень гетерогенный феномен, объединяющий диаметрально противоположные направления: от либертарианцев до палеоконсерваторов. Трампизм стал реальностью в силу того, что слишком высок был спрос на фигуру, способную консолидировать протестные настроения и более того – выразить чаяния многих очень значимых в электоральном плане групп интересов.

Но секрет успеха правого популизма, олицетворяемого Трампом, не сводится только к фигуре бунтаря, отвергающего истеблишмент. Те избиратели и группы интересов, которые привели Трампа в Белый дом, формулируют более широкий запрос на трансформацию американской политической системы, самой модели социальной мобильности и доступа к ресурсам. Именно то, что эта модель становилась всё более закрытой для миллионов американцев, и породило трампизм.

Социальная база трампизма

Если говорить о социальной природе трампизма, то она тесно связана с американским консерватизмом. Поэтому не случайно, что Трамп, который одно время поддерживал контакт как с республиканцами, так и с демократами, решил всё-таки баллотироваться от республиканцев. Его идеология гораздо больше отвечает настроениям и интересам массовой республиканской электоральной базы в противовес интересам и настроениям республиканской элиты.

В этой связи нужно отметить характерное явление западной политики последних примерно 30 лет: партийные политические элиты использовали свою традиционную социальную базу как своего рода гарантированный ресурс, практически как частную собственность, как некое имение. То есть неважно, что избиратели хотят и думают, они всё равно будут голосовать за нас, никуда не денутся, а мы продолжим проводить свою собственную повестку дня, которая всё более и более шла в сторону консенсуса элит с некоторыми культурными различиями. В этой игре очень активно участвовали также и левые. И более того, левые даже в какой-то момент ста-

ли в ней участвовать авангардно, то есть взяв именно ценностные различия в качестве своей главной темы.

С чем это связано? Это связано, естественно, с трансформацией в рамках мейнстрима левоцентристского движения, которое утратило связь со своей социальной базой и уже не представляло какие-то серьёзные массовые силы и превратилось в своего рода радикальное крыло либерализма. Причём зачастую, что очень характерно, левые выступали большими либералами, чем сами либералы по многим вопросам, например, ценностным. То есть левые из антилибералов превратились в радикальных либералов.

Этим, кстати, объясняется и популярность Берни Сандерса в ходе прошедшей выборной кампании, поскольку он пытался возродить аутентичную левую повестку, понятную массам. В этой связи крайне важно, что трампизм включил в себя не только правые, но и отчасти левые настроения. Если рассматривать трампизм в контексте популизма, то один из возможных его аналогов – это перонизм в Аргентине. Откуда проистекает

перонизм и иные схожие популистские движения в Латинской Америке, и почему они казались там специфичными и почти уникальными, с точки зрения европейской политологии? Потому что социологически не будет большим преувеличением сказать, что в Латинской Америке нет устоявшихся классов, социальные структуры размыты и очень неоднородны.

Латиноамериканские социологи также отмечали, что существует не один, а несколько рабочих классов, которые зачастую имеют очень разные интересы. Причина этого лежит не только в расовом разделении рабочих, но в типе предприятий, на которых они работают. Например, рабочие, трудящиеся на предприятиях с традиционным патриархальным типом трудовых отношений с низкой производительностью труда и низким уровнем технологий, представляют собой совершенно иную социальную массу, чем рабочие транснациональной корпорации.

Таким образом, в Латинской Америке с её социальной неустойчивостью вполне логично могли возникать популистские движения, которые трудно было идентифицировать в классической европейской линейке как чисто левые или чисто правые, поскольку они формировали некий конгломерат сил. Этот конгломерат, естественно, должен был фокусироваться на фигуре лидера, который на самом деле вовсе не является популистом в том смысле, как его понимают журналисты: как просто демагога, который всем всё обещает. Задача состоит в том, чтобы в реальности сколотить блок интересов, который просто не развалился бы на ходу. И в этом смысле фигура лидера достаточно принципиальна, поскольку он, с одной стороны, воплощает в себе некоторые культурные, психологические и прочие моменты, но одновременно является своего рода точкой консолидации этих очень разнородных, разношёрстных и противоречивых на самом деле сил. Пото-

му что, разделяя некоторые идеи, они совершенно расходятся в своих интересах, что зачастую приводит к конфликтам. До тех пор, пока лидер способен удерживать всё это от развала, такого рода движения существуют. Поэтому они и получают персоналистское название. И именно поэтому понятно, почему мы говорим о трампизме или перонизме, а не о новом республиканстве, например, или консерватизме XXI века.

Вопрос заключается в том, почему это всё перенеслось в Западную Европу и в США? Ответ также нужно искать в области социологии, так как западные общества в результате воздействия неолиберализма внешне парадоксально стали всё больше походить на латиноамериканские, то есть произошла деволуция и фрагментация социальной структуры. Неолиберальный дискурс и неолиберальная экономическая и социальная программа были направлены на фрагментацию общества. Причём единственным консолидированным элементом оставалась элита, остальное было фрагментировано, включая низшие слои. И вся идеология, политика идентичности, позитивная дискриминация, адресная помощь – все эти ключевые идеологические – и уже не только идеологические, но институциональные – моменты способствуют росту фрагментации. Эта фрагментация, с одной стороны, сделала западное общество гораздо более разношёрстным, неустойчивым и создала при этом ту самую почву для появления новых популистских движений, которые не являются ни чисто левыми, ни чисто правыми. Но одновременно, парадоксальным образом, она породила потребность в реконсолидации общества, в преодолении этого внутреннего раскола и разобщённости. Сам призыв Трампа «Make America Great Again» – это не про белых мужчин, что бы там либералы ни говорили, а именно про преодоление фрагментации, про возрождение цельного

общества, а не совокупности меньшинств. И консерватизм в этом случае выступает парадоксальным образом именно как идеология, ориентированная на большинство, или на его создание. При этом речь не обязательно идёт о реально существующем большинстве: имеется в виду некое воображаемое большинство, которое нужно ещё создать.

Таким образом, трампизм не только соединяет в себе левые и правые элементы, он опирается на блок интересов, которые предельно противоречивы. Первой группой интересов является, так называемая, «**средняя буржуазия**», хотя это понятие очень условно. Но здесь важно то, что отличающаяся от неё сверхкрупная буржуазия крайне обезличена. Это не индивидуализированные предприниматели, а то, что Джон Кеннет Гэлбрейт на-

зывал техноструктурой, причём контролирующей менеджментом. Этот менеджмент обезличен и противостоит другому типу буржуазии – буржуазии персонифицированной (не абстрактной), что очень важно в культурном и даже социальном смысле. Эта буржуазия, в том числе в силу своей персонифицированности, ориентирована на внутренний рынок. И это принципиальный момент.

Вторая группа – это **рабочий класс**. Причём не совсем корректно утверждать, что Трампа поддерживает «белый» рабочий класс. За него выступил именно рабочий класс в своём первоначальном классовом понимании, что очень важно. Когда говорят, что Трамп победил голосами белых мужчин – это не совсем так, поскольку парадокс состоит в том, что Трамп победил в том

СОКРАЩЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

% совершеннолетнего населения страны

Примечание: значения округлены.

Источник: Pew Research Center.

числе и голосами афро- и латиноамериканцев. Потому что как раз в «колеблющихся» («swing states») северных штатах, как, например, в Висконсине, именно выбор прежде всего афроамериканского населения в пользу Трампа (хотя в абсолютных цифрах он был незначителен) как раз и стал тем самым последним зёрнышком, которое качнуло чашу весов вниз. То есть на фоне этих процессов переход, пусть очень небольшой, но существенной части небелого рабочего класса на сторону Трампа – крайне незначительный количественно, но качественно принципиальный – переломил ситуацию. И здесь дело в том, что они голосовали не как афро- или латиноамериканцы, но как представители рабочего класса. Кроме того, очень чётко прослеживается разница между небелым электоратом, голосовавшим за Трампа, и небелым электоратом, голосовавшим за Хиллари Клинтон – с социологической точки зрения это совершенно не похожие друг на друга группы. Небелые, голосовавшие за Трампа, – это люди, имеющие работу зачастую именно на промышленных предприятиях. Небелые, голосовавшие за Клинтон, были в основном представлены людьми, живущими на пособие по безработице и нуждающимися в поддержке со стороны местных сообществ. То есть фактически это было клиентелистское голосование. Они отдали голос за Клинтон, потому что так им сказали лидеры общин, которые в свою очередь занимаются распределением потоков социальной помощи.

Ещё одна важная группа в рабочем сегменте социальной базы трампизма – это, так называемый, **«инженерный пролетариат»**. Это даже не рабочий класс в изначальном смысле: не «синие», а «серые» воротнички. Именно инженерный пролетариат понёс наибольшие потери в ходе деиндустриализации США. Если неквалифицированный

рабочий, потеряв одну работу, всё равно сможет найти другую, оставшись на своём уровне, то инженерный пролетариат вынужден понижать свой социальный статус и отказываться от приобретённых ранее профессиональных и технических компетенций, даже если при переходе на неквалифицированную работу он и не сильно потеряет в зарплате. Так, наиболее модернизированные, в традиционном понимании, рабочие слои понесли наибольший ущерб. Поэтому запрос трампистов на реиндустриализацию – это на самом деле запрос на ремодернизацию после той фактической демодернизации (в плане технических производительных компетенций, а не в плане модернизации потребления, «гаджетов» и пр.), ставшей итогом политики неолиберального мейнстрима.

Что из всего этого следует? Первый вывод состоит в том, что социальная база трампизма является крайне неоднородной и в перспективе может распасться – и даже почти неминуемо распадётся – на условно «левый» и «правый» компоненты. Так же, как это в своё время произошло с перонизмом. Так, в его рамках одновременно действовали столь разные президенты Аргентины, как Карлос Менем и Нестор Киршнер, которые представляют два противоположных курса в аргентинской политике. Более того, «Монтонерос» – вооружённые повстанцы левого толка в Аргентине – также были представителями перонизма. Даже был знаменитый лозунг: «Если бы Эвита была жива, то она была бы "Монтонера"». Таким образом, очевиден разброс действовавших в рамках перонизма сил – от крайне правых до ультра-левых. Причём этот блок начал разваливаться ещё при жизни Хуана Перона, так как лидеру не всегда удаётся удерживать баланс на протяжении долгого периода времени.

Между тем другой вывод состоит в том, что этот блок в ближайшее время распадётся

не будет. Он будет сохраняться до тех пор, пока не будут выполнены некоторые минимальные задачи, которые его собрали вместе. Эти задачи совершенно реальные, и они отражают вовсе не настроение, как часто принято говорить, и не результат популистской демагогии, но интересы, причём очень глубинные. В частности, один из этих интересов – укрепление американского внутреннего рынка. Это один из ключевых вопросов, который объединяет значительную часть производственной буржуазии и рабочий класс, в том числе и с точки зрения профсоюзов. Потому что стабильный внутренний рынок – это стабильные зарплаты, а стабильные зарплаты – это сильные профсоюзы. И потому неслучайно Трамп стал одним из первых американских президентов, кто сразу позвал в Белый дом профсоюзных лидеров. При этом левые (в мейнстримном смысле) тут же окрестили этих профсоюзных лидеров продажными, чья продажность состоит в том, что они договариваются с Трампом, и что они не нравятся левым. Появились примечательные заголовки в некоторых левых изданиях в США, например, «Рабочие предали левых». Но здесь точнее будет обратный вопрос, а может быть, всё-таки левые первыми предали рабочих?

При этом с социологической точки зрения, говоря об оттенках консерватизма, важно подчеркнуть, что трампизм как раз не является патерналистским. И одна из самых интересных перспектив, которая открывается в контексте избрания Трампа, это конец патернализма. Примечательно, что правые всё время обвиняют левых в патернализме. Но на самом деле именно неолибералы создали патерналистские системы беспрецедентного масштаба. Поэтому, когда левых обвиняют в патернализме, то под патернализмом имеют в виду на самом деле социальные гарантии. Но социальные гарантии – это не патернализм, потому что они равные, одинаковые

для всех. Патернализм предполагает персонифицированный подход к оказанию социальной поддержки. Ведь в действительности суть политики позитивной дискриминации – это в чистом виде патернализм, причём переходящий в клиентелизм, то есть идущий дальше.

Трамп пытается проводить политику, которая будет искоренять клиентелистскую логику. Пока это ему удастся в очень незначительной степени, но начало уже положено. И более того, эта тенденция будет усиливаться. В дальнейшей перспективе успех Трампа, если он хочет остаться президентом в 2020 г. или продвинуть своего кандидата, причём, что самое интересное, не обязательно республиканца, будет зависеть от того, удастся ли ему окончательно ликвидировать эту систему.

Таким образом, до тех пор, пока проблема укрепления внутреннего рынка и решения ряда социальных задач, очень актуальных в Америке, не будет урегулирована хотя бы отчасти – с учётом их взаимосвязанности – социальная база трампизма не распадётся. Но в связи с тем, что он очень неоднороден, напрашивается третий, обобщающий вывод. Он состоит в том, что эта политика на первых этапах будет крайне неэффективна, потому что даже при наличии некоего общего интереса есть целый ряд аспектов, которые тянут трампизм в совершенно разные стороны. Это можно наблюдать даже в противоречиях, возникающих в рамках первых принятых практических решений. Потому что в каждом конкретном случае есть некая лидирующая группа, которая отстаивает и продвигает данное решение в свою пользу. Поэтому, продолжая своё существование, этот блок на первых этапах будет не столько балансировать на грани распада, сколько демонстрировать свою неэффективность, сдерживая внутренние противоречия. И здесь сопротивление либералов и падение

личного рейтинга Трампа может, с одной стороны, усилить разлад в рамках его социальной базы, но с другой – именно мощнейшее сопротивление либералов сможет удерживать этот социальный блок в едином протрампиистском поле.

В британском политическом лексиконе есть примечательное понятие – «красные тори» (те, кто выступают за традиционный консерватизм, коммунитаризм, против либертарианства). То, что было изжито усилиями Тэтчер. В Англии Маргарет Тэтчер подавила это направление, которое было в значительной мере связано с фигурой Уинстона Черчилля. Черчилль, особенно в моло-

дости, был типичным «красным тори». Потом он ушёл к либералам, а затем от либералов вернулся к консерваторам. Это позволило ему плодотворно взаимодействовать с лейбористами в коалиционном правительстве, фактически проводить их программу в 1941–1944 гг. То, что в Англии было подавлено и сейчас, может быть, появляется снова, в Америке очень чётко будет ассоциироваться именно с трампиизмом. Если это вызовет волну протрампиистского активизма, то может сложиться ситуация, близкая к революционной, поскольку нынешняя антитрамповская кампания рано или поздно может спровоцировать активизацию его социальной базы.

Who is Mr. Trump: социально-политические аналогии

Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США, повторим, стала неожиданностью для значительных слоёв «старой» элиты, мейнстримных медиа и экспертного сообщества. Его призывы «осушить вашингтонское болото» вызвали резкие нападки на Трампа со стороны его противников. Естественно, это привело к появлению уничижительных ярлыков, например, сравнению Трампа с Гитлером. Происхождение этих стереотипных клише понятно и не требует анализа. Но что действительно важно – несмотря на подчёркиваемую уникальность Трампа для современной политической жизни в США, возникло много сравнений Дональда Трампа с другими американскими президентами (или кандидатами в президенты), причём как с республиканцами, так и с демократами. В частности, Трампа сравнивали с Р. Рейганом, Р. Никсоном, Б.М. Голдуотером, Ф.Д. Рузвельтом, Д. Кеннеди, Л. Джонсоном, Д. Картером

и даже Б. Обамой. Этот феномен представляется достаточно интересным. С одной стороны, он важен психологически как своего рода реакция защиты на абсолютную новизну и абсолютного чужака. Такая попытка встроить этого чужака в уже сложившуюся систему координат, найти Трампу свою ячейку в, казалось бы, давно объяснённой политологами и социологами карте ландшафта власти в США делает реакцию на новизну и слом этого ландшафта менее болезненной. С другой стороны, с учётом вышеизложенной широкой и неоднородной социальной базы трампиизма, сопоставление нового президента с рядом его предшественников позволяет лучше использовать исторический опыт при выстраивании реального стратегического курса Трампа (если он сможет и захочет выполнять на практике свою предвыборную программу). В любом случае эта, пусть и мозаичная, попытка сравнить Трампа с целым рядом предыдущих

американских президентов, очень разных по своей политике и личным качествам, практически не имеет аналогов в политической жизни США и отражает гораздо более значимые глубинные процессы, происходящие в американском обществе.

Итак, перейдём к сравнениям. Одно из них – **Трамп как Никсон**. Сюда включается прежде всего восприятие Трампа в качестве «классического», «старомодного» консерватора, без неолиберального идеологизированного подтекста. Таким же, пусть и стереотипно, представляют и Никсона. Далее, при всем этом консерватизме, другой фактор их схожести – неидеологизированный прагматизм в политике, особенно во внешней. Третий фактор – это ротация аппарата, привлечение на ведущие посты людей, которые до этого не были внутри политического истеблишмента, но которые идеологически близки президенту (интересно то, что возникли сравнения не только Трампа с Никсоном, но и Стивена Бэннона, советника президента, с Генри Киссинджером). В то же время намёк на импичмент тоже используется при сравнении этих двух президентов.

Следующий пример позиционирует Трампа уже не как «классического», а как «неистового», «пламенного» консерватора, как своего рода «крестоносца консерватизма» – **Трамп как Голдуотер**. В президентской кампании Барри Голдуотера 1964 г. находят много параллелей с кампанией Трампа, как по тематике, так и по стилистике. Что касается социологических частностей, то и за Голдуотера, и за Трампа в основном голосовали люди средних и старших возрастных групп, а не молодёжь. Наконец, противники Трампа не отказывают себе в удовольствии сделать ещё один прозрачный намёк, напоминая о том, что целая группа американских психиатров в своё время делала заключение, что Голдуотер объективно

безумен и потому не может отвечать за свои действия и уж тем более – быть президентом.

Крестовый поход за консерватизм находит отражение в ещё одном сравнении: **Трамп как Рейган**. Помимо этого, вспоминают о яркости и общей схожести личной харизмы этих двух президентов. Сущностно, говорят об акценте обоих на приоритетном росте военных расходов. Также достаточно подробно сопоставляется «рейганомика» и экономическая программа Трампа. Но здесь помимо сходства выделяют и много различий. Главное из них, говоря простым языком, в том, что «рейганомика» фактически вытесняла государственное регулирование из экономики, а для реализации предвыборной экономической программы Трампа необходимо усиление государственного регулирования, как таможенно-тарифного, так и в промышленной сфере.

И это приводит нас к ещё одному сравнению: **Трамп как Франклин Рузвельт**. Необходимость объективного усиления госрегулирования для реализации «трампономики» проводит прямые параллели с «Новым курсом» (New Deal) Рузвельта. Кроме того, с социальной (и с эмоциональной) точки зрения, тот контракт с избирателями, который провозгласил Трамп в Геттисбергской речи, тоже имеет много отсылок на «Новый курс». Вышеупомянутая значимость левой составляющей в низовой социальной базе также объясняет схожесть его модели с Рузвельтом.

Но на Франклине Рузвельте сравнения Трампа с президентами из Демократической партии не заканчиваются. Ещё одно сопоставление: **Трамп как Джонсон**. Действительно, программа серьёзной трансформации американского общества, выраженная Трампом и в Геттисбергской речи, и в самом лозунге «Make America Great Again», по стилистике, а часто и сущностно, имеет достаточно много схожих черт с программой

«Великого общества» (Great Society) Линдона Джонсона. Вопрос здесь не только в «greatness», в размахе амбиций, но и в намерении на то, к каким результатам такого рода программы могут привести.

Ещё одно сравнение вытекает в первую очередь из эффекта новизны – это **Траммп как Кеннеди**. Яркая звезда Джона Кеннеди, его быстрое восхождение на политический олимп при всей поколенческой и иной разнице этих двух президентов семантически очень похоже на процесс столь же быстрого восхождения Дональда Трампа. Более того, именно Кеннеди, как и Трамп, был президентом, который не стеснялся назначать своих близких родственников на ключевые посты в администрации. Наконец, противники Трампа, говоря об отторжении системной новичка и чужака, что было в обоих случаях, опять же не отказываются от намерений на судьбу Джона Кеннеди.

Следующее сравнение – это **Траммп как Картер**. При всей их разнице схожесть в том, что Картер был единственным президентом до Трампа, который пришёл «расчищать вашингтонское болото». Если мы вспомним контекст после «Уотергейта», то отчуждение широких слоёв общества от старой вашингтонской элиты и серьёзный запрос на перемены делают ситуацию с избранием Трампа похожей на контекст избрания Картера.

И, наконец, самое неожиданное сравнение: **Траммп как Обама**. С одной стороны, они представляются прямыми противниками, а борьба с наследием Обамы стала ключевой темой в кампании Трампа. Но с другой стороны, если посмотреть на результаты социологических опросов о том, какие качества больше всего привлекли избирателей в Обаме в 2008 г. и в Трампе в 2016 г., то мы увидим парадоксальную картину: четыре из пяти наиболее позитивных качеств у Обамы и Трампа совпадают.

По оценке исследовательского центра Pew, в образе Трампа наиболее сильными качествами были названы способность выполнять обещания (60%), способность «заставить все работать» (54%) и сильные лидерские позиции (49%)⁷. У Барака Обамы в 2008 г. также были высокие оценки именно по лидерству и эффективному менеджменту⁸. Исходя из этого, можно предположить, что те изменения («Yes, We Can») и тот электоральный запрос, которые в 2008 г. привели к власти демократа, в случае с последней кампанией привели в Белый дом и Дональда Трампа – именно как воплощение тех же социальных требований, которые, к сожалению, оказались неудовлетворёнными за два срока президента-демократа.

В обоих случаях мы видим здесь и эффект новизны, и ожидания (может быть, завышенные) от «нового» и «впервые в истории такого» имиджа президента, и многое другое. Единственное, что отличает Обаму от Трампа по этому социологическому типу ожиданий – Обама, по мнению опрошенных, понимает проблемы, которыми американцы живут в повседневной жизни. У Трампа этого нет. Все остальное совпадает. При этом ценностное сходство президента и респондентов вообще не отмечалось ими в качестве ключевого фактора, который их привлекает. А в части менеджмента и управления Обама оценивался избирателями так же положительно, как Трамп, или Трамп, соответственно, воспринимался так же положительно, как в своё время Обама.

⁷ In First Month, Views of Trump Are Already Strongly Felt, Deeply Polarized // Pew Research Center. 2017. February 16. URL: http://www.people-press.org/2017/02/16/in-first-month-views-of-trump-are-already-strongly-felt-deeply-polarized/1_6-8/

⁸ Jones J. Obama Gets High Marks on Leadership, Empathy // Gallup. 2009. July 24. URL: <http://www.gallup.com/poll/121880/obama-gets-high-marks-leadership-empathy.aspx>

Экономика трампизма

Если говорить об экономических основаниях трампизма, то, во-первых, он обращается к классическому духу, к классической республиканской политической логике. Это в первую очередь подразумевает протекционизм в экономике, что было традиционно для США XIX века. Дальше этот протекционизм смыкается с экономическим регулированием, без которого невозможно обойтись в современной экономике, особенно американской в настоящее время, где необходимо реализовывать такие программы, как, например, развитие сети высокоскоростных железных дорог. Нужно также рационально управлять социальными расходами (особенно на здравоохранение), чтобы они давали эффект и для обычных людей, и для экономики США и не отнимали лишних денег в пользу паразитических форм бизнеса. Правительство должно управлять финансовым механизмом, контролируя Федеральную резервную систему (ФРС) и направляя её работу, а не слепо ей подчиняться.

Трамп лишь обозначил общие черты нового курса в экономике, однако можно ожидать появления его более конкретных очертаний. В результате получается триединая система – протекционизм, регулирование и социальное государство. Здесь консервативный характер трампизма налицо. Имеет место апелляция к золотому веку Америки, но только к последнему золотому веку, который был в 1950–1960 гг. И когда мы обращаем внимание на то, что Трампа окружают очень много пожилых людей – «старички Трампа», как некоторые их называют, – это опять же не случайно. Они являются более классическими республиканцами, никсоновских или, может быть, даже эйзенхауэровских времен, которые помнят экономический рост, которые участвовали в его создании – участвовали в создании

процветающей Америки. Тогда принадлежность к среднему классу определялась доходами, а не кредитами.

Одна из проблем современных Соединённых Штатов – средний класс очень часто живёт «в кредит». Хочешь приобщиться к среднему классу – бери побольше в долг. Для американцев эта проблема существует как выражение не только социального, но уже и политического кризиса. Хотя демократы говорят, что кредит – это нормально, избрание Трампа показало обратное: американцы хотят роста доходов, а не роста долгов. Тем более, что рост долгов наблюдался на протяжении всех последних лет. Более того, именно на росте долгов была построена стабилизация американской экономики при Обаме. Так, рост корпоративного долга позволил Deutsche Bank («Дойче банк») осенью 2016 г. объявить о том, что рецессия в США неминуема. Также выросли долги и простых американцев. Другими словами, люди не покрывают своими доходами даже текущие расходы и постоянно выплачивают какие-то проценты банкам даже за повседневные траты, а не только за автомобиль или дом, что показательно.

Во многом это и обеспечило политический успех Трампа. Но это же вызвало общее движение среди американцев, что помогло заложить основы трампизма как нового подхода к решению старых проблем. Американцы за последние десятилетия насмотрелись на политику адресных решений общих общих проблем, например, на вышеупомянутую позитивную дискриминацию, – и выбрали альтернативу ей. Этим и отличается классическая республиканская политика в решении проблем от современной неолиберальной демократической политики.

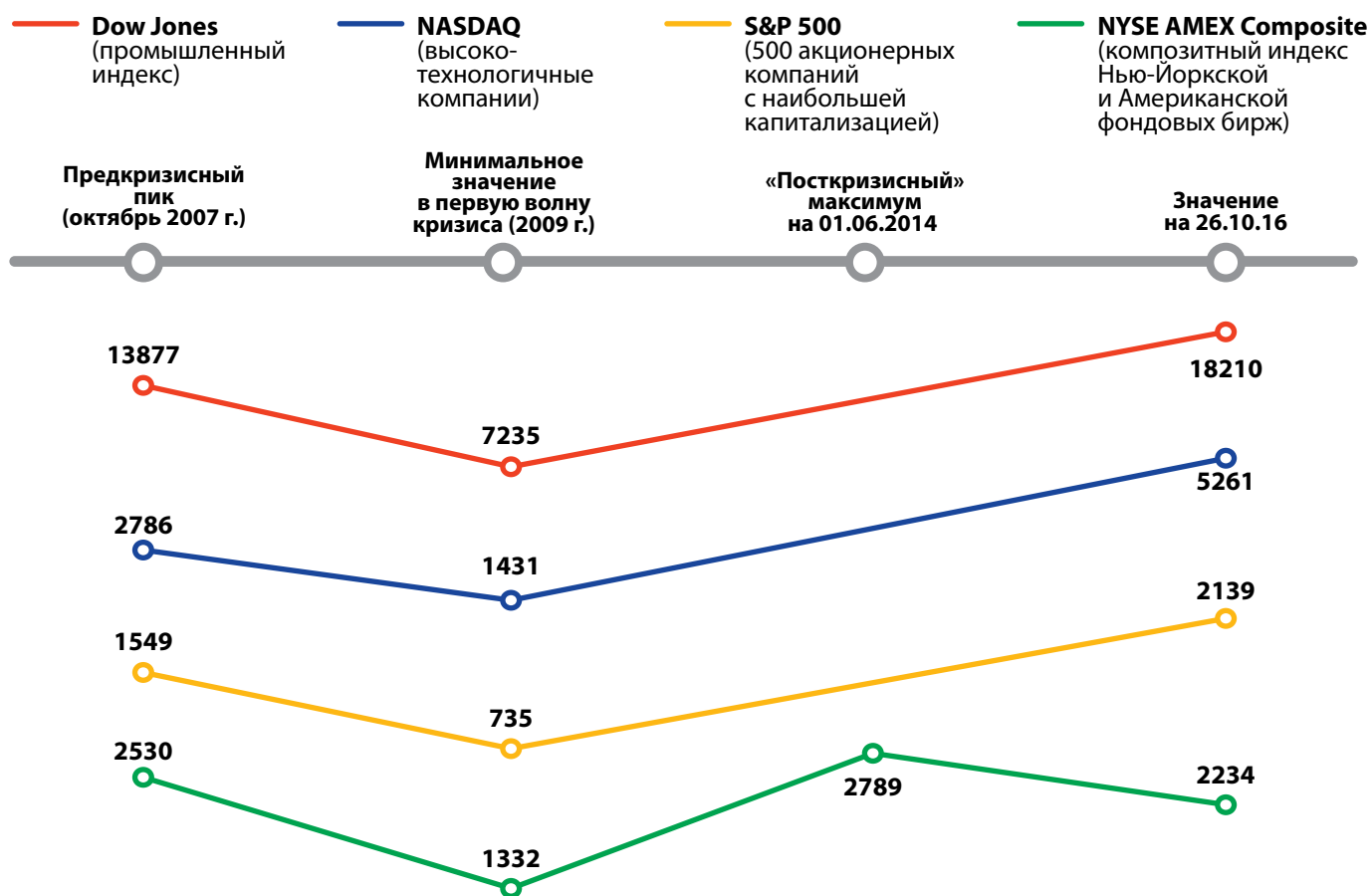
Впрочем, наблюдается примечательное отличие текущей кризисной ситуации

в США, в политическом и отчасти экономическом плане, от ситуации времён Великой депрессии. Экономисты очень любят сравнивать нынешний кризис, особенно его первую волну 2008–2009 гг., с Великой депрессией в США 1929–1933 гг. Однако, когда во время Великой депрессии Франклин Делано Рузвельт стал президентом, имело место два факта, которые освободили его от многих проблем и позволили ему проводить ту экономическую политику, которую он планировал. Первый факт: революция в Демократической партии. На протяжении всех 1920-х гг. внутри партии шла борьба с коррупцией, в ходе которой новые демо-

краты противостояли старым демократам, которые преуспели только в том, как «доллары по карманам рассовывать», как указывали их критики. В результате почва была подготовлена, и Рузвельт стал лидером уже обновлённой партии: сложилась организованная политическая система, за которой стояли миллионы американских избирателей, веривших в то, что эта политическая сила может что-то изменить.

Второй факт: Рузвельт победил после обострения кризиса. Трамп пришёл в Белый дом до разрыва финансового пузыря. На протяжении 2016 г. Трамп говорил о полезности разрыва этого пузыря для своей

СРАВНЕНИЕ ПОКАЗАТЕЛЕЙ БИРЖЕВЫХ ИНДЕКСОВ США

Источник: Доклад: Дональд Трамп и экономическая ситуация // РЭУ им. Г.В. Плеханова/ИГСО.

новой политики. Однако он сохраняется, более того, надулся ещё больше, чем в 2007 г. – накануне первой волны глобального экономического кризиса.

В докладе «Дональд Трамп и экономическая ситуация», который был представлен Лабораторией международной политической экономии РЭУ им. Г.В. Плеханова и Институтом глобализации и социальных движений (ИГСО) и вышел за неделю до избрания Трампа, были обработаны данные основных американских биржевых индексов и обнаружено, что они находятся на уровне почти в полтора раза выше, чем в 2007 г., накануне обвала американского фондового рынка 2008 г. То есть фондовый рынок США не только преодолел падение 2008–2009 гг., отыграв все минимумы 2009 г., но и в полтора раза превысил уровень 2007 г. Это означает, что финансовый пузырь надут очень сильно.

Трамп понимает, что этот пузырь должен лопнуть, но, к сожалению для него, этого ещё не произошло. Почему ему так важно, чтобы пузырь лопнул? Так как внутри Республиканской партии революции не наблюдается – большинство её членов и элита не поддерживают Трампа, а победа на съезде и на президентских выборах была крайне непредопределённой – он намерен добиваться свободы своих действий хотя бы в экономической сфере. Однако происходит обратное. Когда ФРС приняла решение о повышении ключевой ставки с 0,75% до 1%, это заметно сократило возможности Трампа в реализации каких бы то ни было экономических планов, даже самых робких. Решение ФРС сделало какие-либо усилия почти бесполезными. Любая экономия теперь ведёт к тому, что деньги придётся отдать ФРС для обслуживания долга, причём его цена

увеличится с повышением ставки. Процент по облигациям невелик, но сам долг близок к 20 трлн долларов.

Такова ловушка, в которую сейчас загоняют Трампа: «ты многое обещал людям, а мы тебе денег не дадим». Это усиливает блокаду Трампа и, как можно ожидать, гарантирует дальнейшее обострение политической ситуации в США. Вероятно сражение президента с ФРС и с частью финансовой элиты, хотя и не со всеми банками, потому что разные банки могут повести себя по-разному.

Политика Трампа основана на интересах среднего капитала и направлена на то, чтобы не уничтожить, но ослабить крупный капитал в интересах среднего капитала. Это очень важное противоречие, которое будет определять всё развитие американской политики. Потому что американский крупный капитал явно перерос американский рынок, американское государство и уже вступил в острое противоречие с американским средним бизнесом, укоренённым в местный рынок. Это касается не только строительной сферы, хотя происхождение Трампа именно из этой коммерческой среды показательно.

Слово «прибыль» здесь очень важно. Противостояние с Китаем и его экономикой ведётся в интересах перераспределения прибыли, которая получается на американском рынке. Это не перераспределение в чистом виде сбыта товара, не перераспределение рабочих мест – это борьба за прибыль. Рентабельность американских компаний в последние годы уменьшилась. По крайней мере, было несколько исследований, которые показали, что ситуация тяжёлая: корпоративные долги растут, а рентабельность либо нулевая, либо где-то отрицательная, а где-то просто небольшая – например, у промышленных

компаний. На фондовом рынке, как представляется, это никак не отражалось, потому что в этой сфере наблюдался рост и, если судить только этим показателям, то ситуация складывается достаточно радужно. Кроме того официальные данные по уровню безработицы, составляющей 5%, также свидетельствуют о позитивном состоянии американской экономики. Однако с такими показателями не согласны сами американцы, и социологи фиксируют, что их несогласие является обоснованным. И это противоречие может привести к серьёзным потрясениям.

Данная ситуация имеет аналогии в истории. Перед Великой французской революцией был острейший конфликт между крупным и средним капиталом. Крупный капитал был заинтересован в смычке с Англией. Король подписал в 1786 г. торговый договор с Англией, который был очень выгоден французским крупным собственникам и увязывал французскую торговлю с английским рынком. Основной объем торговли составляли вино, сельскохозяйственные продукты, другая исключительно французская продукция и предметы роскоши. Эти товары направлялись на растущий английский рынок – с выгодой и к удовольствию знати и крупной буржуазии. Но со стороны остальных, стоящих перед лицом угрозы разорения, наблюдалось явное недовольство. Конфликт не остался без последствий и Великая французская революция, в том числе, выразила протест среднего капитала против крупного.

Аналогичная ситуация сложилась в Соединённых Штатах в условиях транснационализации крупного капитала. Для него выгодно, чтобы доллар сохранял сильные позиции, он не считается с тяжёлым положением на самом

американском рынке, а также игнорирует тот факт, что сильный доллар означает низкий экспорт из Соединённых Штатов. Очевидно, когда все валюты ослаблены: евро ослаблен, фунт ослаблен, валюты стран БРИКС фактически девальвированы, кроме юаня, который ослаблен в меньшей степени – в этой ситуации что-либо вывозить из США стало сложно. Импорт большой, а основной источник роста ВВП – рост государственных расходов за счёт увеличения долга. Такая ситуация наблюдалась во время президентства Обамы: ВВП увеличивался, а долг и расходы правительства возрастали.

Экономические «враги» Трампа, если их разделить – это финансовый капитал, ФРС, доллар и Китай. Китай является побочным противником. Трамп ведёт себя, как классический республиканец XIX века. Трамп говорит, по крайней мере в предвыборный период, что да, дескать, мы будем с Китаем торговать, но что китайские товары не будут продаваться в Америке. Их не запретят, но введут высокие пошлины. Огромные таможенные пошлины на китайскую сталь, введённые ещё при Обаме, Трамп уже увеличил. Китайское руководство не перестаёт делать заявления, призывая к встречам, обсуждениям и дискуссиям. США формально выражают согласие, однако на деле американские власти усиливают поддержку проектов, которые в Пекине считают для себя опасными.

Между тем базой трампизма является американский внутренний рынок. И что очень важно, это большой рынок, где накопленные за годы господства неолберальной политики и кризиса противоречия могут быть разрешены. Американская экономика может расти посредством вытеснения китайских товаров со своего внушительного рынка, железнодорожного

и жилищного строительства внутри Соединённых Штатов. Наконец, строя стену с Мексикой, можно обеспечить рост американской экономики. Заполнение американского рынка китайскими товарами настолько значительно по объёму, что это действительно даёт такую возможность.

Однако в первые месяцы своего президентства Трамп так и не смог реализовать свои задачи. Его деятельность была заблокирована. Между тем это вовсе не означает, что с этой блокадой трампизм прекратится. Он представляет собой историческое явление, вовсе не случайное, имеющее особое происхождение и перспективу.

Трампизм возник не просто из недовольства американского общества, но из его протестных выступлений. «Оккупируй Уолл-стрит» и «Движение чаепития» стали свидетельствами политического кризиса в США. В итоге был найден новый компромисс между республиканцами и демократами, который стабилизировал бюджетную политику, однако не смог вывести экономику из кризиса. Надежды на это рассыпались к концу второго срока президентских полномочий Обамы. Но они базировались на элементах, которые сейчас отбрасываются Трампом. Между тем на них стоит обратить внимание.

Первый элемент – это уменьшение бюджетных расходов. Размер госдолга в первый срок президентства Обамы возрастал быстрее, чем во второй срок. Второй элемент – это попытка реализовать протекционистскую программу на более широком пространстве, чем Соединённые Штаты Америки: это Транстихоокеанское и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнёрства. Это попытка соединить американский протекционизм с политикой финансовой глобализации и распространить действие этой политики на зону, которую

вроде бы можно контролировать, и за счёт этого обеспечить рост американской экономики, рост всей этой новой зоны.

Конец этой политике был положен, когда Трамп объявил о выходе из Транстихоокеанского партнёрства. Вероятно, это была уже констатация гибели Транстихоокеанского партнёрства как организации и проекта, потому что американская экономика не росла. На момент его создания в 2014 г. американская экономика демонстрировала рост, оживление, был большой приток капитала в США, и настроения были оптимистичные. К моменту, когда Трамп распустил Транстихоокеанское партнёрство, картина была уже иной. Получилось, что реализовать промежуточный дотрампиистский протекционистский план США не удалось. Не удалось даже убедить американцев в его полезности.

В 2016 г. Трамп выиграл свою первую битву в американской политике: он стал президентом. Вторая битва – это сражение за Конгресс, за ФРС, за реализацию хоть какой-то части экономической программы. Это вторая битва, а, может быть, будет ещё и третья. Трампу нужно выигрывать сражения на внутренних полях – в решении проблем внутри США. Те самые провокационные инициативы президента, которые Конгресс отвергает, могут привести к превращению антитрамповских конгрессменов в изгоев. Отказ Конгресса сотрудничать с Трампом вызывает недовольство американского избирателя, который хочет, чтобы инициативы нового президента, наконец, заработали. Это важно, учитывая, что надежды избирателей были дважды обмануты при Обаме. Трампизм должен реализовать свой потенциал во внутриэкономической политике, только тогда он сформируется окончательно. Ныне же в нем ещё очень много намёков и обещаний, но почти нет дел.

Реакция противников Трампа: «эсхатология» трампизма

Современные настроения, связанные с обсуждением популистского поворота в политическом процессе, красноречиво описываются одной почти библейской характеристикой. Убеждённость в том, что вслед за победой Дональда Трампа на выборах президента США рухнет вся старая система, сегодня является, по сути, эсхатологической – это чувство скорого конца света, «последних дней», а если и не конца света, то краха привычного мира. Падёт истеблишмент, рухнет глобализация, и даже Левиафаны интеграционных объединений не выдержат лобового удара все новых Brexit.

В какой-то степени такое состояние предопределено предшествующими действиями политиков, когда угроза популизма, и в особенности правого популизма, не воспринималась всерьёз, сопровождаясь логикой «этого не может быть, потому что не может быть никогда». Социологические исследования то и дело подтверждали уместность такого подхода, подчёркивая маргинальность радикальных позиций, однако под тенью авторитетных мнений вызревало масштабное недовольство как политическим классом, так и ангажированными интеллектуалами. В какой-то момент депривация граждан стала чрезмерной, и системные силы (чаще всего центристского толка) понесли ряд тяжёлых электоральных поражений: в Испании пятую часть электората смогла заполучить партия «Подemos», в Великобритании подняла голову Партия независимости Соединённого Королевства (UKIP), по Италии триумфально прошлось «Движение пяти звёзд» и т.д.

Причинами, в свою очередь, такого сдвига стали не только миграционные страхи или рост неравенства вследствие финансово-экономического кризиса, но и два обстоятельства, которые до сих пор привлекают недостаточное внимание

исследователей. Во-первых, радикализация политического дискурса стала возможной благодаря тому «шоку идентичности», который стал прямым следствием глобализационных процессов. Несмотря на обильное славословие в адрес «плоского мира», население даже развитых стран оказалось не вполне готово заменить прежние национальные идентификаторы мультикультурным космополитизмом. Даже в случае появления структур, которые потенциально могли являться выразителями новой идентичности, как это было в Европейском Союзе, политические ошибки и отторжение новой идентичности со стороны граждан привели к тому, что новый формат самовосприятия укоренился, в лучшем случае, у десятой доли населения. Можно сказать, что виной тому стали и завышенные ожидания. Как отмечал в своё время политолог Джованни Сартори, худший враг демократии – это требование ещё лучшей демократии, а интеграционные и глобализационные проекты традиционно сопровождались риторикой «быстрее, лучше, доступнее», что для многих людей несколько не соответствовало действительности.

Во-вторых, негодование было также порождено половинчатыми реформами. Вызвав появление большого количества уязвлённых и ущемлённых в возможностях граждан, реформаторы выбрали наихудший сценарий развития собственного курса – они попытались развернуть его вспять, отчего отчуждение только разросло. Сама по себе политика неолиберализма была крайне специфической инициативой, которая не могла не обернуться ростом неравенства. Однако, когда системные программы не доводятся до конца, а раз за разом трансформируются, это приводит к ещё большему кризису.

Немаловажно, что в таких условиях говорить о популизме как стройном идеологическом течении несколько сомнительно,

поскольку: а) популизм, будучи скорее типом мышления, нежели идеологией, органически не склонен к концептуализации и конкретизации; б) политики-популисты не нуждаются в идейной строгости, предпочитая более удобные с репутационной точки зрения размытые формулировки.

Этот выраженный эсхатологизм со стороны противников Трампа перекинулся из Америки и в Европу. Напомним, первые месяцы после победы Трампа прошли в ожиданиях своего рода эффекта домино, когда под влиянием его успеха старый статус-кво начнёт рушиться то в одной, то в другой стране ЕС. Поэтому прошедшие уже после победы Трампа президентские выборы во Франции надо оценивать, помимо прочего, ещё и именно с этой,

эсхатологической точки зрения. Если Трампа в ходе предвыборной кампании никто не воспринимал всерьёз, то после его победы неолиберальные силы вышли против Марин Ле Пен (и Франсуа Фийона) действительно на «последний бой», когда старый статус-кво стоит на краю пропасти, а победа Ле Пен (а то и Фийона) полностью уничтожит сложившуюся политическую систему Европы. В результате максимальное сплочение неолиберальных сил вокруг кандидатуры Эммануэля Макрона и крайне скандальный характер самой предвыборной кампании во Франции стали результатом именно этого эсхатологического восприятия событий. Без такого сознательно внесённого подтекста «последней битвы» ход французских выборов мог бы быть иным.

Трампизм и Европа: повторение американского опыта?

Но с успехом Макрона во Франции «последняя битва» неолибералов с глобальными трампистами не заканчивается. Эсхатологические оценки значения Трампа приводят, в свою очередь, к соблазнительной экстраполяции американского сценария и на европейскую политику, причём не только в каком-то общекоминентальном контексте, но и применительно к отдельно взятым государствам. В условиях усилившихся миграционных потоков практически все популистские движения США и Европы имеют одну схожую черту: это своеобразный нативизм (Nativism). Однако на этом сходства, пожалуй, почти заканчиваются.

Почти – потому что как минимум бессилие и отстранённость истеблишмента действительно роднят американские проблемы

с трудностями Старого Света. Безотносительно левой или правой ориентации популизма, он обнажает неспособность решать имеющиеся проблемы в прежних структурных рамках. Иными словами, он демонстрирует серьёзный политический кризис европейского пространства, как в его интеграционном виде, так и в части конкретной страновой проблематики. Является ли популизм выходом из этого кризиса? Представляется, что нет, поскольку худшее, что может случиться с популистом – это его приход к власти, и случай Трампа это довольно убедительно демонстрирует. Является ли популизм шансом для такого выхода? Скорее да, чем нет. Но для такого ответа необходимо дополнительное условие – отсутствие дестабилизирующих действий, способных ограничить противодействие популизму.

Иными словами, сохранив систему диалога (или инициировав создание такой системы), популисты действительно сыграют позитивную роль в социально-политическом развитии. В обратном случае говорить придётся не о возрождении консервативной «Европы наций», а о самых серьёзных потрясениях и конфликтах.

В любом случае сегодня на фоне Brexit и восхождения Трампа, то есть на фоне событий, означающих глубокие потрясения для западного мира по обе стороны Атлантики, есть немало оснований говорить об антисистемном «правом бунте». Но что это за бунт? Чей он? Против кого или чего он направлен? Каковы его возможные последствия? И что нам со всем этим дальше делать?

Если говорить в общих чертах, то происходит смена эпох и связанная с ней смена способов и стилей политического мышления. Ведь неслучайно социолог Зигмунт Бауман, анализируя цивилизационную динамику в начале XXI века, обращался к термину «междоцарствие» (Interregnum), с помощью которого Антонио Грамши в «Тюремных тетрадах» описывал ситуацию ожидания радикальных перемен, вызванных социальными потрясениями эпохи Великой депрессии. Грамши вкладывал в это понятие особый смысл, имея в виду приближение одновременных и глубоких изменений социального, политического и юридического порядка. Сегодня, как и во время заточения Грамши в туринской тюрьме, многие глобальные концепции, институты и механизмы демонстрируют прогрессирующую неэффективность. В то же время полноценной замены этим столпам современности пока не видно.

В этих условиях на политическую арену на самых разных уровнях – от локального до глобального – начинают выходить силы, заинтересованные в том, чтобы ускорить

разрушение неэффективного порядка, в котором слишком многие акторы и группы оказываются аутсайдерами. При этом сформулировать внятную альтернативу – задача намного более сложная. Но она решается, по крайней мере, в конкурентных политических системах, где электоральные процедуры позволяют заявить о себе противникам мейнстрима и предложить избирателям программу, которая может рассматриваться как программа «креативного разрушения». Такая программа может быть ситуативной, сфокусированной на одной-двух проблемах, которые в текущих обстоятельствах являются ключевыми или считаются таковыми.

Бунт против неолиберального политико-идеологического мейнстрима, национальных и наднациональных элит является сложносоставным. В нем странным образом сочетаются, казалось бы, несовместимые устремления и интересы. Прежде всего, здесь проявляется протест против глобализации. Причём особенность момента состоит в том, что этот протест впервые поддерживали достаточно значимые электоральные группы в США и странах ЕС, осознавшие, что при такой направленности глобализационных процессов они оказываются в положении аутсайдеров. Миграционная угроза и опасения подрыва культурной идентичности в этом плане лишь открывают длинный список неожиданных для западного обывателя эффектов глобализации. Размывание национального суверенитета всё чаще интерпретируется многими избирателями в странах Запада как потеря контроля над собственной судьбой.

Бунт против неолиберального мейнстрима во многом обращён и против его политико-идеологической, дискурсивной, нередко даже эстетической составляющих, связанных с постмодернизмом. По крайней мере, «правый бунт» – это органическое неприятие эклектизма, трактовки любой

истины как условной, перевода принципа общественного блага в разряд вторичных и т.д. Это также и бунт против «политической корректности» как глубоко эшелонированной системы двойных стандартов, табуирования и самоцензуры.

Что же касается «правого бунта» в странах ЕС, то одно из основных отличий ситуации в США от Европы состоит в том, что в Америке внутривнутриполитический раскол никаким сюрпризом не является. Двухпартийный консенсус давно остался в прошлом, и по крайней мере с середины 1990-х гг., когда под началом американского политика Ньютона Гингрича (кстати, большого друга Дональда Трампа) началось осуществление «Контракта с Америкой», поляризация американской политической элиты только усиливалась. В странах ЕС (по крайней мере, используя термин Дональда Рамсфельда, в «старой Европе») ситуация длительное время была иной. И в 1990-е, и в 2000-е гг. там преобладало отклонение в сторону политического центра и даже частичная конвергенция идеологических платформ партий политического мейнстрима. Но теперь тренд поляризации, запрос избирателей на гораздо более чётко очерченную позицию, распространился и на «старую Европу».

Причём под наибольшим давлением находятся традиционные консервативные силы, воздействие на которых правоконсервативного популизма становится всё более существенным. Сегодня во многом происходит трансформация респектабельной консервативной идеологии под влиянием радикальных идей правого популизма. При этом консерваторы мейнстрима пытаются сохранить дистанцию от «нерукопожатных» популистов, частично перенимая их лозунги, тактику, и тем самым всё больше деформируя классическую идеологическую матрицу политического консерватизма.

В Европе правый популизм сейчас равен евроскептицизму. Правда, неверно сказать обратное, что евроскептицизм равен правому популизму. Но несомненно, что для европейских правых популистов само наличие Европейского Союза и его институтов является чем-то вроде «дара небес», поскольку появляется универсальная основа для критики политического мейнстрима как основного проводника утраты суверенных полномочий соответствующей нации, появления наднациональной власти, не имеющей легитимности в рамках национального государства.

Ключевой здесь оказывается проблема политического суверенитета, которая, кстати, служит идеологической основой для сближения евроскептиков с современными джексонианцами в Америке.

Суть проблемы почти четверть века тому назад чётко сформулировал Ральф Дарендорф: «Конституции конституируют права. Права есть юридические гарантии. Это не просто пустые обещания и красивые слова ... Права делают необходимым создание аппарата принуждения, или санкционирующих инстанций. Все три классических власти находят здесь своё место. Но эти власти существуют в совершенной форме только в национальном государстве. Тот, кто отказывается от национального государства, теряет вместе с этим эффективные гарантии своих основных прав. Тот, кто сегодня национальное государство считает излишним, объявляет вместе с этим – быть может даже непреднамеренно – излишними гражданские права»⁹.

В современном политическом контексте эта логика формирует исходно сильную позицию для тех, кто готов взять её на вооружение. Она ещё более усиливается, когда к неприятию евробюрократии

⁹ Dahrendorf R. Die Sache mit der Nation // Grenzfälle: über neuen und alten Nationalismus / Hrsg.: Jeismann M., Ritter H. Leipzig, 1993. S. 109.

прибавляется разочарование в собственных проевропейских элитах, которые не только готовы уступать суверенные права Брюсселю, но и начинают проводить общую (то есть вынесенную за рамки национального государства) миграционную политику, политику в отношении меньшинств, и подводить под всё это особую нормативно-ценностную базу, основанную, в сущности, на системе самоцензуры и фактическом отказе от культурно-исторических оснований национальной идентичности. Если же при этом происходит усугубление экономических и социальных проблем, и приходит понимание, что и глобализация оборачивается к европейскому избирателю не самой приятной стороной, то ситуация на электоральном поле начинает существенно меняться.

Какие из этого можно сделать выводы более общего порядка?

Если говорить о перспективах консерватизма и его трансформации под влиянием правого популизма, то здесь стоит проявить некоторую осторожность. «Правый бунт» в Америке и Евросоюзе является глобальным в плане его политических последствий. Но пока ещё рано говорить о доминирующей глобальной тенденции. Трамп – это очень американская история, а Марин Ле Пен – французская. Национальный контекст пока остаётся первичным,

и в разных странах развитие событий будет отличаться вариативностью.

Где-то мы увидим крах традиционных консерваторов и их замену в рамках политической системы правыми популистами, где-то (вероятно, в большей части стран) консерваторы будут заимствовать популистскую риторику, эволюционировать в эту сторону, понесут чувствительные потери, но всё же сохранят устойчивые позиции.

Британия в этом смысле служит вполне показательным примером. Совершенно очевидно, что британские консерваторы после Brexit уже не будут такими, какими были до него. Партия независимости сделала своё дело, но теперь именно тори предстоит всё это реализовывать. Для британских консерваторов уже практически невозможно снова стать проевропейскими. В то же время, реализуя программу выхода, они по-прежнему стараются дистанцироваться от Найджела Фараджа и его последователей.

В целом, вероятно, расширятся границы допустимого, и популистские силы не просто получат ещё больше мест в парламентах европейских стран, но и начнут кое-где участвовать в правительственных коалициях. И тогда либеральный Запад все-таки станет другим, существенно отличающимся от того, чем он был четверть века назад, на заре так и не состоявшейся постисторической эры.

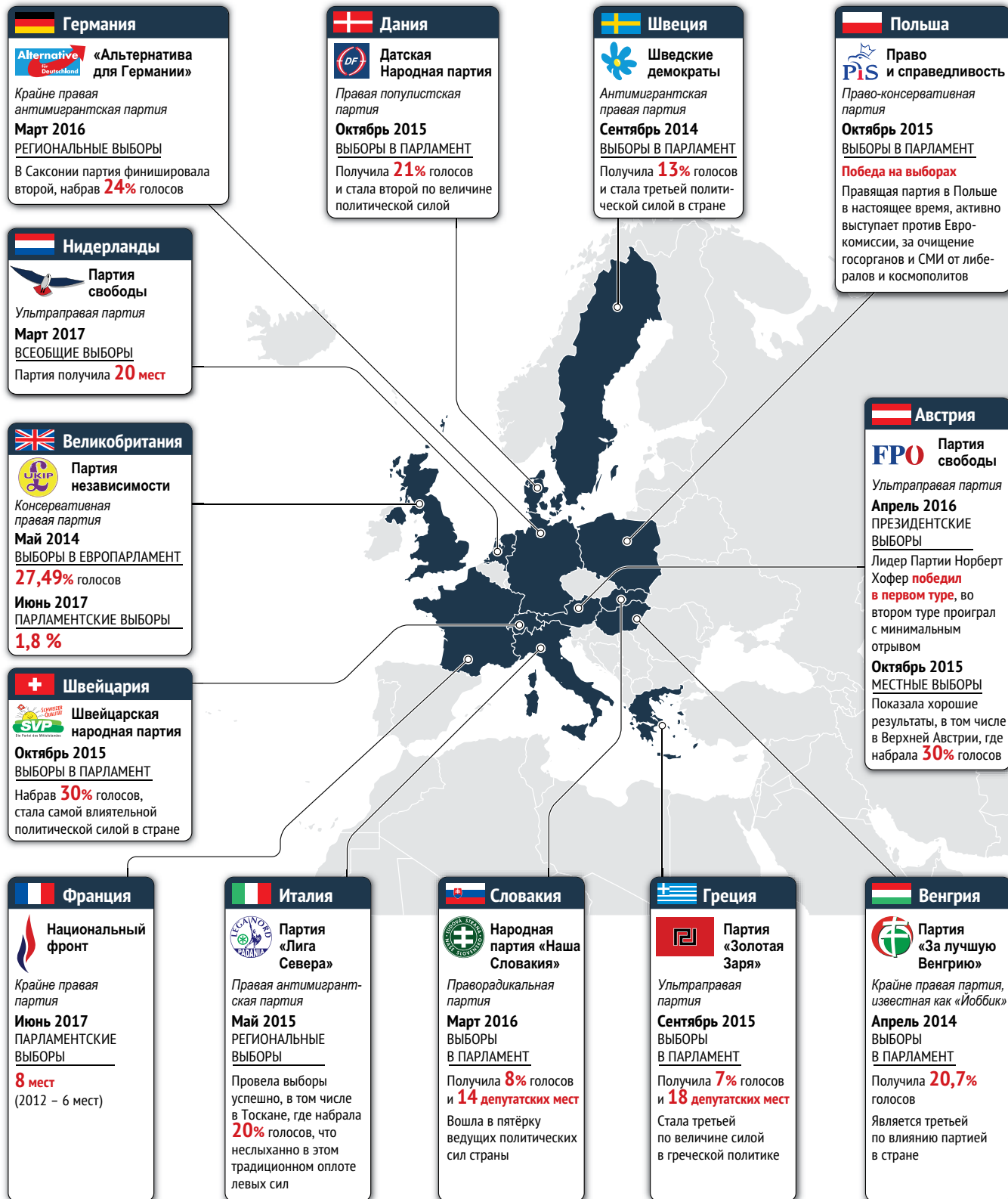
Трампизм и Россия

Как относиться России к глобальному «правому бунту»? Конечно, здесь сильным является соблазн простых решений: Россия заинтересована в пересмотре несправедливого, с её точки зрения, постбиполярного мирового порядка, она кри-

тикует нынешнюю модель глобализации, хотя и пользуется, как может, открывающимися возможностями, а постмодернистская ценностная матрица у многих в России вызывает отторжение. Следовательно, те, кто вольно или невольно способствует

ПРАВЫЙ ПОВОРОТ ЕВРОПЫ

Миграционный кризис в Европе серьезно пошатнул традиционный политический истеблишмент и привел к росту влияния крайне правых националистических партий. Недовольство населения также подпитывается опасениями из-за глобализации и утраты национальной идентичности

эрозии мирового порядка, выступает с критикой глобализации и ставит под сомнение доминирующее на Западе представление о ценностях, могут рассматриваться в качестве нашего союзника. Но здесь можно очень далеко зайти.

Владимир Путин и Дональд Трамп стараниями западных медиа оказались в едином символическом поле. Но это не значит, что России и её руководству именно так себя и надо позиционировать. Скорее, нужна прагматическая позиция открытости к диалогу со всеми, кто со своей стороны готов к диалогу. В сущности, в Европе для России потенциальным партнёром может быть любая сила или политик, чьи действия помогут вернуть страны Запада с постмодернистских небес на землю национальных интересов, то есть в ту систему координат, где по крайней мере можно вести осмысленный диалог.

Вместе с тем надо отдавать себе отчёт и в возможных рисках: язык национальных интересов более понятен, но сами интересы различны вплоть до антагонизма. Конфликты национальных интересов могут быть куда более интенсивными и опасными, чем конфликты вокруг ценностей.

Если бы Москва вдруг всерьёз решила, что её место только в строю сил правого популизма, то она резко сузила бы для себя спектр политических возможностей. Более того, она бы оказалась сопричастной не только к каким-либо успехам этих сил, но и к их провалам (которые несомненно тоже будут иметь место). Поэтому важно делать ставку не на силы с определённой политико-идеологической окраской, а именно на некую систему координат для диалога, которую могут принять и Москва, и наши контрагенты в Европе и за океаном.

#Valdaiclub

 ValdaiClubRu

 ValdaiClubRu

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-66-1

9 785906 757661